

С л о в о

въ день поминовенія основателей, благотворителей, учившихъ и учившихся въ Киевской духовной Академіи, произнесенное на заупокойной литургіи 31 декабря 1902 года въ соборной церкви Кіево-Братскаго монастыря.

Любы никогаже отпадаеть. 1 Кор. XIII, 8.

Всякій разъ, когда мы молитвенно воспоминаемъ почившихъ, когда со всею искренностью обращаемъ къ нимъ свое сердце, со всею силою устремляемъ къ нимъ свой умственный взоръ,—мы невольно чувствуемъ себя какъ-бы изъятými изъ условій и обстановки обыденной жизни нашей, какъ-бы стоящими на границѣ двухъ міровъ: съ одной стороны, этого преходящаго міра съ его многоразличными печалами и бурями житейскими, съ другой—міра иного, лучшаго,—области обитанія съ Богомъ блаженныхъ духовъ и упокоенія душъ, области, гдѣ безраздѣльно господствуютъ тѣ высшія начала жизни, лишь слабые и всегда неполные зачатки которыхъ мы наблюдаемъ въ этомъ мірѣ. И нынѣ, братіе, собравшись, по давнему обычаю, подъ священную сѣнь сего Братскаго храма, для молитвеннаго воспоминанія приснопамятныхъ основателей, покровителей, благотворителей, начальствовавшихъ, учившихъ и учившихся въ нашей духовной школѣ, мы естественно поставляемъ

себя въ отношеніе къ этимъ, приснымъ намъ по духу, почившимъ о Господѣ, этимъ *отцамъ нашимъ въ духовномъ бытіи* (Сир. XLIV, 1) нашимъ, живо сознаемъ свою преемственную связь съ ними и зависимость отъ нихъ нашего дѣла, а вмѣстѣ съ тѣмъ, мысленно созерцая отошедшихъ въ вѣчность, мы и себя самихъ поставляемъ въ дверяхъ вѣчности.

Въ такія минуты, братіе, особенно благовременно сдѣлать соотвѣтствующую сему святому мѣсту и настоящему торжественному часу оцѣнку проплаго, настоящаго и будущаго жизни нашей школы, вотъ уже третій вѣкъ доживающей подъ сѣнію Братской обители, съ точки зрѣнія вѣчности, и это тѣмъ болѣе, что настоящій день кончины основателя нашей школы и нашего поминовенія всѣхъ почившихъ питомцевъ и дѣятелей ея есть и послѣдній день года, когда мысль о „времени и вѣчности“ у каждого является неизбѣжно.

Обозрѣвая жизнь нашей школы въ ея цѣломъ и наблюдая здѣсь безчисленное многообразіе явленій преходящихъ, исчезающихъ, мы естественно вопрошаемъ себя: что въ жизни и дѣятельности нашей школы переживаетъ всякое время? чтò, имѣя свойства непреходящаго, образуетъ основу и главное условіе жизнеспособности нашей школы въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ? какой духъ отношеній отличалъ и долженъ всегда отличать дѣло и дѣятелей нашей школы, чтобы все уничтожающее время не разрушило этого дѣла, а сберегло его съ его плодами для вѣчности?

Отвѣтъ на всѣ эти вопросы даетъ намъ апостольское слово: *Любы николиже отпадають; аще же пророчествія упрздятся, аще ли языцы умолкнутъ, аще разумъ испразднится. Отчасти бо разумѣваемъ и*

отчасти пророчествуемъ. Егда же придетъ совершенное, тогда, еже отчасти, упразднится (1 Кор. XIII, 8—10). Итакъ, не знаніе или мудрость, даже на самыхъ высшихъ ихъ ступеняхъ, въ самыхъ возвышеннѣйшихъ ихъ проявленіяхъ, а единственно только любовь, нравственное начало жизни, переживаетъ всякое время и сохраняетъ всю свою силу и въ самой жизни будущаго вѣка.

Приложимъ это апостольское мѣрило земного совершенства христіанскаго къ жизни и дѣятельности нашей духовной школы въ первоначальную пору ея существованія и въ послѣдующее время.

Откроемъ первую страницу трехвѣковой исторіи нашей духовной матери. Что было началомъ ея? Братство—союзъ и общеніе любви, для защиты исконнаго православія и духовной самобытности русскаго народа. Вступавшіе въ братство „записывались въ братскій списокъ, цѣловавъ крестъ, однимъ сердцемъ и одними устами, каждый за всѣхъ и всѣ за cadaго, держась православія и соединившись духомъ пламенной любви“.

Конечно, возникновеніе братской школы обязано было и сознанный тогда на юго-западѣ Россіи потребности просвѣщенія, именно богословскаго знанія въ цѣляхъ ученой защиты православія. Но ни въ первое, ни въ послѣдующее время просвѣтительныя задачи нашей школы не могли бы быть выполняемы ею съ успѣхомъ, если бы не одушевляли ея дѣятелей духъ христіанскаго братолюбія и взаимопомощи: *братъ отъ брата помогаемъ, яко градъ твердъ и высокъ* (Притч. XVIII, 19).

И этотъ долгъ братолюбія и взаимопомощи не ограничивался тогда тѣснымъ кругомъ Братской школы и членами братства, а сознавался и выпол-

нялся и всѣми ревнителями отечественной вѣры, прежде всего гражданами нашего богоспасаемаго града. Только опираясь на эту великую животворную силу любви, первые дѣятели нашей школы и братства могли противостоять сильнымъ врагамъ и православной вѣры и народности русской.

Такъ, братіе, по своему происхожденію—изъ стремленія къ истинѣ Христовой на началахъ и при посредствѣ христіанской любви,—равно какъ и по первоначальной своей исторіи, школа наша не только не расходится съ высшими основами христіанской вѣры и жизни, но и вполне съ ними совпадаетъ. Можно даже сказать, что школа наша съ основанія своего является вѣрнымъ орудіемъ Церкви: какъ существо церкви образуетъ союзъ истины любви и благодати, такъ и душу братской школы составляютъ эти животворныя стихіи; равнымъ образомъ въ своемъ служеніи братская школа съ самаго начала творить то же дѣло Божіе, которое составляетъ учительный долгъ церкви: защиту, оправданіе, уясненіе и утвержденіе вѣры православной,—хотя и совершаетъ это особенными, свойственными школѣ вообще, средствами.

Отсюда проистекала тѣсная, неразрывная связь нашей братской школы—со времени основанія и во всѣ послѣдующія времена—съ церковью: школа наша—проводникъ въ жизнь народную христіанскихъ началъ, содержимыхъ и преподаваемыхъ церковью. Дѣятели изъ питомцевъ школы нашей всегда сами сознавали себя и являли себя міру посланниками и служителями церкви, на всякій видъ служенія духовно-нравственному просвѣщенію и возрожденію народа, защитѣ истинъ вѣры и под. они смотрѣли,

какъ на выполненіе долга, завѣщаннаго имъ церковію.

Эта исконная связь братской школы съ церковію сообщала братскому союзу любви и истины высшее освященіе и благодатную силу, дѣлая и школу причастною той непреоборимости, neodолѣнности противными силами, какая обѣтована и дарована Господомъ Иисусомъ Христомъ Его Церкви.

Если, по слову Господа, *всякъ садъ, егоже не насади Отецъ Небесный, искоренится* (Матѳ. XV, 13), и только *виноградъ его же насади десница Вышняго* (пс. LXXIX, 16), устоитъ, укрѣпится и принесетъ плоды (ср. Іоанн. XV, 2), то духовный вертоградъ нашъ имѣетъ добрыя основанія утѣшаться благословеніемъ свыше и обиліемъ плодовъ своихъ.

Безпристрастная исторія свидѣтельствуетъ непрекаемо о великомъ церковно-народномъ значеніи нашей школы, о великой и плодотворной службѣ ея дѣлу православія и интересамъ народной самобытности на Руси, проявленныхъ нашей школой въ борьбѣ съ католическимъ и польскимъ вліяніями. А затѣмъ за все время своего существованія школа наша дала Церкви и отечеству великое число дѣятелей на различныхъ поприщахъ церковно-общественнаго служенія—ученомъ и учебномъ, пастырскомъ, миссіонерскомъ и др. — дѣятелей, за которыми исторія, не обинуясь, признаетъ право на историческое безсмертіе.

Конечно, *въ велицѣмъ дому не точію сосуди злати и сребряни суть, но и древяни и глиняни суть, и овъ убо сосудъ въ честь, овъ же не въ честь* (2 Тим. II, 20). Можно вѣдь и дѣло Божіе и святое творить не свято; къ самому святому дѣлу можетъ приражаться пыль страстей человѣческихъ. Притомъ высокое въ очахъ человѣческихъ можетъ быть часто совсѣмъ не тако-

вымъ въ очахъ Божіихъ (Лук. XVI, 15), и судъ исторіи можетъ не совпадать съ судомъ Божіимъ.

Но наша школа имѣетъ высокое, ни съ чѣмъ несравнимое, утѣшеніе въ томъ сознаніи, что, и по всеправедному суду Божію, нѣкоторые дѣятели на нивѣ церковной, вышедшіе изъ среды ея питомцевъ, за подвиги вѣры и любви, за трудъ и святость жизни своей, уже удостоились пріять неувядаемый славы вѣнецъ отъ всеправеднаго Судіи и Мздовоздателя—Бога. Таковы—сіяющіе на тверди церковной и освѣщающіе духовный горизонтъ школы нашей, великіе угольники Божіи, святители Христовы: Θεодосій Черниговскій, явившій богоугодную святость жизни, Димитрій Ростовскій, трудившійся по святой ревности по Богѣ въ обличеніи раскола, и Иннокентій Иркутскій, извѣстный апостольскою миссіонерскою ревностью о благѣ и спасеніи ближнихъ, во тьмѣ невѣрія и зловѣрія погибающихъ.

Такъ, *позна Господь сущія Своя* (2 Тим. II, 19)—позналъ, обрѣлъ достойными Себѣ и прославилъ ихъ и въ Своемъ вѣчномъ царствѣ и, для наученія нашего; предъ лицомъ всего міра. А сколько невѣдомыхъ міру, но вѣдомыхъ Сердцевѣдцу Богу, тружениковъ въ различныхъ служеніяхъ дала школа наша обширному отечеству нашему,—такихъ дѣятелей и тружениковъ, въ жизни и дѣятельности которыхъ находилъ осуществленіе и воплощеніе божественный законъ любви? Что иное воодушевляло ихъ въ ихъ часто истинно-подвижническомъ служеніи, какъ не чистая, самоотверженная любовь къ Богу и ближнимъ съ ревностію по вѣрѣ и славѣ Божіей? По-истинѣ, не могутъ быть забвены предъ Господомъ великіе труды ихъ, плодами которыхъ воспользовалась

нынѣ пользуется и будетъ пользоваться правосла-
ная страна наша.

Союзъ любви, *николиже отпадающей*, союзъ нрав-
ственного единенія,—твердо вѣримъ мы,—связуетъ
всѣхъ этихъ, въ разное время отошедшихъ ко Госп-
ду, питомцевъ братской школы съ нынѣшними чл-
нами академической семьи; въ жизни и судьбахъ п-
слѣдней они принимаютъ живое участіе. И нынѣ, е-
день молитвеннаго собранія нашего, во-очію пре-
ставляющаго непрерывность академическаго преем-
ства и преданія, они незримо являются соучастни-
ками нашей молитвы. Изъ нихъ свидѣтельствующи-
ею святостью, оправданные и прославленные Богомъ
дерзновенно предстательствуютъ за насъ и братств-
наше предъ Богомъ, другіе, не достигшіе святости
совершенства, исполняются благодарности къ намъ
за возносимыя о нихъ молебны къ Отцу духовъ, вс-
е же вообще съ духовною радостью и благоволеніемъ
внемлютъ нашему общенію молитвы и любви.

Но если у небесныхъ членовъ нашего академиче-
скаго братства любовь и нравственное единеніе съ
земнымъ братствомъ, не развлекаемая ничѣмъ зем-
нымъ и житейскимъ, имѣютъ свойства совершенства;
то мы *живущіи оставшии* (1 Сол. IV, 15), еще служащі
тому же дѣлу, за которое нѣкогда подвизались
и они, имѣемъ нужду прилагать усилія, чтобы рук-
водящимъ началомъ всей нашей дѣятельности слу-
жила любовь, этотъ, по апостолу, „превосходнѣйшій
путь“ (1 Кор. XII, 31) жизни. Какъ члены „братства
академическаго, мы должны являть и свидѣтельств-
вать любовь братскую и единеніе *не словомъ, ни
языкомъ, но дѣломъ и истиною* (1 Иоанн. III, 18), по-
дражая въ этомъ прежнимъ, нынѣ почившимъ, дѣя-
телямъ братства и школы нашей. Подобно имъ, мы

Труды Киевск. дух. Акад. Т. I. 1903 г.

не можемъ ограничивать эти любовь и единеніе тѣсными предѣлами нашей малой академической семьи. а должны, по мѣрѣ возможности, простирать нашу братскую любовь, наше нравственное единеніе и на разсѣянныхъ по лицу нашего отечества бывшихъ питомцевъ нашей школы, какъ равно и на не принадлежащихъ къ братству нашему сыновъ отечественной церкви и общества, начиная съ гражданъ богоспасаемаго нашего града, которые свою любовь къ Академіи еще недавно, въ истекшемъ году, засвидѣтельствовали укрѣпленіемъ за нею щедраго дара.

Можетъ, конечно, казаться, что теперь, въ строѣ жизни современной Академіи, для осуществленія началъ любви и единенія въ широкихъ размѣрахъ, недостаетъ тѣхъ условій и поводовъ, какіе имѣли мѣсто въ жизни старой Академіи. Теперь вѣдь дѣятелямъ Академіи не приходится непосредственно входить въ нужды отечества и общества, напимѣръ, не настоятъ надобности покидать книжныя занятія ради защиты отечества на полѣ брани, какъ бывало прежде,—Академія имѣетъ теперь характеръ и свойства собственно ученаго учрежденія. Притомъ новая Академія изъ общеобразовательнаго всесословнаго училища сдѣлалась собственно богословскимъ учено-учебнымъ заведеніемъ съ нѣкотораго рода сословнымъ отпечаткомъ въ составѣ учащихъ и учащихся въ ней, что тоже можетъ представляться неблагоприятнымъ для развитія духа любви и единенія въ ней въ отношеніи къ обществу.

Но могутъ-ли когда-нибудь потерять свою силу и обязательность вѣчныя основы жизни истинно-христіанской, изначала бывшія краеугольнымъ камнемъ старой Академіи и давшія ей возможность усто-

ять несокрушимою среди великихъ ударовъ судьбы и бурь житейскихъ?

Правда, прямая и ближайшая задача наша—ученое дѣло, разработка богословской науки—дѣло, по видимому, отрѣшенное отъ дѣйствительной жизни общества и отечества. Тѣмъ не менѣе это не освобождаетъ насъ, братіе, отъ нравственного долга слушать обществу и отечеству дѣлами, проникнутыми духомъ любви. Извѣстное ходячее выраженіе „наука ради самой науки“ для насъ справедливо и имѣетъ силу лишь постольку, поскольку оно требуетъ безкорыстія и чистоты побужденій къ научной дѣятельности, но отнюдь не въ томъ смыслѣ, что наука есть самоцѣль всей нашей дѣятельности, предметъ ея, выше котораго ничего нѣтъ и быть не можетъ. Что это не такъ, слѣдуетъ изъ того уже, что знаніе научное всегда можетъ быть только относительнымъ, несовершеннымъ—*отчасти разумываемъ* (1 Кор. XIII. 9): не истина принадлежащая единственно Тому, Кто есть сама Истина (Іоанн. XIV, 6), а только благородный трудъ изслѣдованія истины составляетъ удѣлъ и лучшихъ служителей науки. Притомъ ученая правоспособность есть талантъ, даруемый человѣку отъ Бога, и лишнее доброе употребленіе и приложеніе ея имѣетъ выпукъ нравственную цѣнность.

Нѣтъ! высоко цѣня достоинство науки, мы, братіе, даже въ интересахъ самой науки, а тѣмъ болѣе во имя святой вѣры нашей, почитаемъ необходимымъ, чтобы дѣятели и питомцы Академіи въ своей ученой работѣ руководились не однимъ отвлеченнымъ, хотя бы и безспорно благороднымъ, стремленіемъ къ знанію, но и высшимъ закономъ нравствен-

ной жизни—началомъ любви: одно *знаніе надлежаетъ, а любовь назидаетъ* (1 Кор. VIII, 1).

Да будетъ же главнымъ двигателемъ и послѣднею цѣлію всѣхъ трудовъ, всего служенія нынѣшнихъ и будущихъ дѣятелей академической общины нашей и питомцевъ нашей духовной школы любовь христіанская во всемъ ея неисчерпаемомъ объемѣ, во всей ея необъятной силѣ: любовь къ Богу и исканіе славы Божіей, любовь къ людямъ и попеченіе о ихъ благѣ, просвѣщеніи и спасеніи, любовь къ дѣлу своему — стремленіе *право правити слово истины* (2 Тим. II, 15), по образцу и примѣру нынѣ поминаемыхъ предковъ нашихъ по школѣ и братству, стоявшихъ и подвизавшихся за истину Божію даже до крови (Евр. XII, 4)! Да будетъ навсегда нерушимою исконная связь духовной школы нашей съ церковью: пусть развивается наука академическая, пусть расширяется ея объемъ, пусть она обогащается новымъ и новымъ содержаніемъ, но все это—на незыблемыхъ устояхъ вѣры и церкви!

Тогда будетъ крѣпкая нить академическаго преданія, соединяющая въ одно цѣлое всѣ поколѣнія нашей школы и всѣхъ отдѣльныхъ ея членовъ. Тогда прочно и твердо будетъ стоять наше дѣло, и мы будемъ имѣть твердую увѣренность, что, какъ бы ни было малозамѣтно служеніе cadaго изъ насъ, оно является звеномъ великой цѣпи, звенья которой соединены любовью человѣческою и скрѣплены силою и благодатію Божіею,—цѣпи, достигающей отъ сей земной юдоли до горняго престола Божія и переводящей насъ отъ сего вѣка забвеннаго въ жизнь непреходящую вѣка будущаго.

Свято и нерушимо будемъ памятовать и блюсти завѣтъ приснопамятныхъ предковъ нашихъ, онъ же есть и завѣтъ святыхъ апостоловъ: *братіе! стойте и держите преданія* (2 Сол. П, 15); *братство возлюбите* (1 Петр. П, 17); *братолюбіемъ другъ ко другу любви* (Рим. XII, 10), *тщащся блюсти единеніе духа въ союзъ мира* (Ефес. IV, 3); *братолюбіе да пребываетъ* (Евр. XIII, 1)! Аминь.

А. Глаголевъ.